

Алексей Шамонов

ЛАБИРИНТ ДВУХГОДИЧНИКА

Алексей Шамонов

Лабиринт двухгодичника

«Издательские решения»

Шамонов А.

Лабиринт двухгодичника / А. Шамонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855601-2

Действие романа происходит в последние годы существования Советского Союза. Надвигающуюся смену эпох явственно ощущает молодой лейтенант, призванный в армию после окончания института. Как и соседи по холостяцкой квартире, он старается честно нести службу по защите воздушных рубежей Родины. Никто из них не догадывается, что страны, в которой они родились и выросли, совсем скоро не станет. Хотя, каждый, в меру своей проницательности, ощущает витающую в воздухе тревогу.

ISBN 978-5-44-855601-2

© Шамонов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Теория происхождения трюфелей	6
Глава 2. Первое задание	12
Глава 3. Неприятный сюрприз	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лабиринт двухгодичника

Алексей Шамонов

Если спросить генерала: «Кто такой двухгодичник?», то тот ответит, что это недоделанный офицер.

А если спросить институтского профессора, то тот скажет, что это загубленный инженер.

Автор не во всём согласен с этим утверждением.

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Алексей Шамонов, 2018

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-5601-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Теория происхождения трюфелей

Была почти совершенная тишина. Не так давно взошедшее июльское солнце тёплыми лучами лениво обволакивало чуть остывшую за короткую летнюю ночь землю. Разбросанные по редкому перелеску кусты жимолости своими неподвижными листочками сигнализировали о полном отсутствии ветра. Далёкое пение одинокой овсянки, не смешиваясь с тишиной, только добавляло яркие мазки в эту идеалистическую картинку. Лишь откуда-то со стороны, диссонансом, доносился до лейтенанта Трофимова непонятный, едва различимый, прерывистый шорох. По мере продвижения лейтенанта в направлении этого звука тот постепенно становился всё более отчётливым.

Игнат торопился на позицию своего дивизиона, но любопытство взяло верх, и он решил сделать небольшой крюк и узнать, что же нарушает эту нежную тишину.

Пройдя по извилистой тропинке в перелеске, он вышел на позицию соседнего – первого дивизиона, где его взору предстали два оголённых по пояс солдата, один из которых стоял по колено в выкопанной яме и медленно, нехотя орудовал штыковой лопатой, выгребая и отбрасывая далеко в сторону землю. Шорох падающего на жестяной лист грунта как раз и резал ухо умиротворённому утренним покоем Трофимову. Второй солдат, опершись подбородком на черенок воткнутой в землю лопаты, внимательно наблюдал за работой сослуживца, ожидая команды старшего лейтенанта Плющева сменить товарища. Плющев сидел на бревне спиной к солдатам и курил, пытаясь пускать изо рта табачные кольца.

Старший лейтенант ростом был невелик, но достаточно коренаст и, сидя на спиленном дереве, смахивал на упитанного старичка-лесовичка из детского кинофильма. При этом широкая фуражка взводного с высокой тульей напоминала перекошенную шляпку переросшей зелёной сыроежки.

– Федя, я смотрю, вы здесь, втихаря от всех, трюфели ищите? – щурясь от светящего в глаза солнца, поддел Трофимов Плющева вместо приветствия.

Тот в долгу не остался:

– И как ты только догадался? Я же старался об этом никому не рассказывать. Естественно – трюфели, что же другое можно искать воскресным утром в земле на территории воинской части? Трюфели, причём сибирские. Только очень тебя прошу никому об этом не говорить, а то ведь многим захочется их попробовать, а на всех желающих грибов может не хватить.

– Да чтобы мне никогда не стать капитаном, если я кому-то проговорюсь! И чем же эти твои сибирские трюфели отличаются от французских? Может быть, цветом или размером? – здороваясь за руку со старшим лейтенантом, поинтересовался Трофимов.

– Да нет, цвет и размер у них приблизительно одинаковый. А отличаются они исключительно методом поиска. Во Франции или, скажем, Италии их ищут дедовским способом, с помощью специально натренированных животных – свиней или собак, они и на большой глубине улавливают их запах. А наши, сибирские трюфели более изысканны и благородны, поэтому их удаётся найти только людям, причём сильно одарённым, и лучше всего по непонятной никому причине это получается у солдат.

Плющеву наконец-то удалось выдуть изо рта правильное табачное кольцо, которое, медленно вращаясь, поплыло в сторону от Игната.

– Вот это да! Наверное, сибирские трюфели пахнут дембелем, – наблюдая за медленно удаляющимся кольцом, предположил лейтенант.

– Может быть, и им, а может, и тумаками для тех, кто их лениво ищет, – посмотрев строгим взглядом в сторону копающих, громко развил мысль Плющев.

– Когда достаточно накопаете, то приглашай на ужин: просто не терпится попробовать, что это такое – сибирские трюфели, – попросил Трофимов. – Хотя я и французские видел только на картинке и тем более никогда не пробовал, так что сравнивать, к сожалению, будет не с чем.

– Не вопрос, завтра вечером и заходи. Трюфели с меня, ну а спирт, естественно, твой, – предложил Плющев. – И захвати ещё пару банок консервов на тот случай, если бойцы вдруг сегодня ничего не найдут. Да и вообще, как самый сильный человек в полку по трюфелям могу тебе ответственно доложить, что тушёнка намного вкуснее и полезнее всяких там буржуйских земляных грибов. Ведь сам посуди, разве солдаты способны найти что-нибудь полезное и нужное? Вот накопать тебе проблемы они могут легко, их об этом и просить не надо.

Фёдор Плющев и Игнат Трофимов были молодыми холостыми офицерами, живущими в третьем подъезде второго дома офицерского состава, или просто – ДОСа, но в квартирах на разных этажах. Плющев жил на третьем, в малогабаритной однокомнатной квартире, вместе с ещё одним холостым офицером. Того, впрочем, несколько месяцев назад соблазнила местная поселковая женщина, и он переехал в её частный дом. Но от места в холостяцкой квартире отказываться не собирался, справедливо полагая, что жизнь может повернуться по-всякому.

Плющеву было скучно одному по вечерам после службы, и он частенько или сам заходил к кому-нибудь в гости, или приглашал к себе на чашечку водки. Никаких запасов спиртных напитков у Фёдора отродясь не водилось, поэтому подразумевалось, что спиртное приглашённый должен был приносить с собой. По этой причине в гости к Плющеву с целью по-дружески посидеть мало кто приходил.

– Договорились, если вдруг каким-то волшебным образом у меня появится спирт, обязательно к тебе загляну. Заодно обсудим международную обстановку и есть ли жизнь на Марсе, – согласился Игнат, отлично зная, что в ближайшее время никакого спирта ему ниоткуда обломиться не может. Он сделал вид, что о чём-то сосредоточенно думает: хмурил брови, закидывал вверх голову, сдвигал на затылок фуражку, и наконец, шлёпнув себя ладонью по лбу, изрёк, едва сдерживая улыбку: – Вспомнил! Я в прошлом году читал в «Вечерней Москве» статью одного заслуженного академика, так вот тот утверждал, что сибирские трюфели столь редки потому, что растут только на фекалиях вымерших десять тысяч лет назад мамонтов.

– Вам, москвичам, виднее. Вы в фекалиях разбираетесь лучше всех. Я здесь спорить с этим академиком, а уж тем более с тобой не возьмусь. Боюсь на вашем фоне оказаться недостаточно компетентным в данном вопросе, – вставая и разводя широко руки, потягиваясь, парировал Плющев.

– А и не надо спорить, всё наукой уже доказано. А насчёт грибов – я, пожалуй, тебя поддержу. Я тебе уже говорил, что трюфелей не ел – ни французских, ни тем более сибирских, но пить спирт в армии уже научился и знаю, что его лучше всего закусывать салом или колбасой, предварительно запив водой. Так что соглашусь: лучше не рисковать с этими стрёмными грибами, а, когда зайду к тебе, остановиться на проверенной поколениями закуске, – заключил Игнат.

– Ну, наконец-то услышал от тебя умные слова. Правильно говоришь, что спирт лучше не разводить, а запивать водой. Но вот она-то у нас позавчера на позиции как раз и закончилась, а бойцы, будто специально, принести её из столовой забыли. Приходит наш комдив, майор Баранов, – а он только ночью закончил обмывать звёздочки вашего замполита, – от сухости рот открыть не может. Ну он жестами и объяснил, как мы не правы и как боевая готовность зависит от того, есть ли вода на позиции или нет. Мало никому не показалось. Вот теперь и копаем колодец, чтобы воду носить было не нужно.

– Колодец?! Ну вы красавцы. А ты уверен, что здесь есть вода? – с сомнением спросил Трофимов.

– Запомни, лейтенант, вода есть везде! Только находиться может на разной глубине. У меня в расчёте служит один уникум – якут-охотник. Большой специалист. Так вот, он обошёл вдоль и поперёк всю нашу позицию, стуча при этом палкой по пустой канистре. Говорит, что улавливает какие-то обратные волны. В общем, в этой точке, где сейчас и копаем, они были самые интенсивные. Рассказывал, что на гражданке, летом идя на охоту, никогда с собой воду не берут, чтобы не нести лишнюю тяжесть. Захотят с отцом или братьями пить, найдут нужное место, несколько раз копнут землю ножом, и вот тебе вода. Они её как-то чувствуют, – торжественно пояснил Плющев.

– А он не рассказывал, что это за место у них такое – какта?

– Предположить могу.

– Вот именно. Этим местом нормальный человек не воду, а опасность чувствует. И на какой глубине, якут говорит, есть вода? – поинтересовался Игнат.

– Утверждает, что совсем рядом, в метрах трёх, максимум – в пяти. Но мы на всякий случай заказали шесть бетонных колец. Если одно или два останутся, то пустим их на выгребную яму туалета.

– Вам надо эту яму сделать рядом с колодцем. Прекрасно будет запивать сибирские трюфели! – внёс предложение Трофимов. – Да и для потомков на этом месте надо восполнить запасы на будущее. В военном училище тебе не говорили, так я докладываю, что мамонты давно вымерли и фекалий больше не производят. Может быть, эти грибы в далёком будущем и называть уже будут не трюфели, а плющевки.

– Странно, от тебя уже вторая умная фраза за день. То есть ты предполагаешь, что я войду в историю как великий полководец?

– Абсолютно этому не удивлюсь! Судя по размеру твоей фуражки, у тебя однозначно имеются недюжинные военные способности. Но грибы назовут так потому, что наши потомки прочитают на самом нижнем кольце таинственного бетонного сооружения, доверху заполненного редчайшим лакомством, выцарапанные древними людьми два слова: «Плющев – сволочь». Они же не догадаются, что это написали древние солдаты в отместку за то, что злобный старший лейтенант заставил их копать землю вместо занятий по боевой подготовке.

– Мои солдаты подготовлены так, что твоим бойцам к ним и близко не подобраться, – нарочито строго сказал Фёдор, снова садясь на бревно. – Ещё придёшь к нам, попросишь водички, а я подумаю, давать её тебе или нет.

– Ну и ладно. Раз ты такой жадный, то не буду с тобой больше разговаривать. Удачи в мелиорации. Побегу на позицию, сменю Матвея, а то он уже, наверное, икру мечет... А в понедельник ваш дивизион заступает на дежурство, – разворачиваясь в сторону своей позиции, издевательски напомнил Игнат.

– Догадываюсь. Мог и не напоминать. Опять через сутки дежурить придётся. Скорее бы уж молодые летёхи пришли, – вздохнул старший лейтенант.

Плющев после окончания военного училища отслужил в этой части почти три года и считал себя опытным и довольно уже заслуженным офицером, которому не пристало с высоты своего звания и капитанской должности через день ходить в наряды и отвечать за копанье непонятно кому нужного колодца.

Трофимов, ускорив шаг, двинулся напрямик через кустарник к своему капониру, при этом он интенсивно размахивал большой берёзовой веткой, тщетно пытаясь отогнать от себя гудящее облако кусучих комаров.

Игнат два дня назад тоже был на обмывании капитанских звёздочек заместителя командира второго дивизиона по политической части Колюжного. Попал он на это мероприятие случайно и пробыл совсем недолго, но утром чувствовал себя так, будто три дня подряд занимался безудержным пьянством. Так что Трофимов легко мог понять состояние человека, который просидел за столом не час, как он, а почти целую ночь.

Игнат не был профессиональным военным, но, как и большинство кадровых офицеров, недолюбливал политических работников. Хотя многим молодым боевым офицерам это чувство не мешало в глубине души мечтать самим стать замполитами или полковыми комсомольцами. Ведь тогда не придётся во время несения дивизионом боевого дежурства зачастую через день ходить в суточные наряды, получать выговоры за неудачные стрельбы на полигоне в Сары-Шагане или за «залёты» подчинённых солдат. Да и каких-либо нарядов у замполитов раз в пять меньше, чем у любого другого офицера. Пару раз в месяц оттянуть ляжку ответственного по казарме, да и то проспать при этом всю ночь на кожаном диване в штабе, – вот и вся нагрузка.

Основной заботой капитана Колюжного была дивизионная Ленинская комната: наличие в ней плакатов, свежих партийных и комсомольских газет, красиво нарисованных лозунгов и боевых листков, которые, впрочем, читал только сам замполит и ефрейтор Малой, их рисовавший.

Ефрейтора замполит выпросил себе в помощь у командира дивизиона, аргументируя тем, что, во-первых, на гражданке тот обучался в художественном профессионально-техническом училище, а во-вторых, умственные способности ему всё равно не позволят стать квалифицированным оператором на боевой технике.

Замполит не знал, что из учебного заведения Малого отчислили после первого же семестра за неуспеваемость и пьянство, а также из-за подозрения во взломе двери и краже из местного музея трёхлитровой банки, расписанной гуашью одной из бывших выпускниц. От более сурового наказания Малого спасло лишь то, что никто не понимал, для чего эта банка, не представлявшая ни малейшей художественной ценности, была украдена. Малой и сам не смог бы объяснить, зачем он её взял, и поэтому, несмотря на факты, всячески отвергал обвинения в воровстве.

Тем не менее краткосрочное пребывание в училище очень пригодилось ефрейтору в армии. Теперь он мог почти не ходить в наряды, пропускать утренние построения, мог получать увольнения в город, якобы для приобретения нужных ему красок и цветных карандашей.

Краски покупались в ближайшем от автовокзала магазине «Школьник», а всё остальное время увольнения Малой проводил с одной разведённой дамой, имеющей в городе однокомнатную квартиру в новом микрорайоне. Дама была на двадцать лет старше ефрейтора, красотой и статью не отличалась, большим умом наделена не была. Зато обладала необузданным темпераментом в постели и имела определённые кулинарные способности. А большего солдату и не надо. Зачем ему умная и красивая женщина? Такую и на гражданке днём с огнём не найдёшь. Да и дискуссионная это тема – должна ли красивая женщина быть умной. Из десяти мужчин только половина скажет, что они встречали такую. А из половины лишь один заявит, что хотел бы на ней жениться.

Малой, конечно, так не рассуждал. Он же не был философом и жил не в бочке, а во вполне комфортной казарме. Но его ещё первобытное подсознание справедливо подсказывало, что с красивой и умной женщиной ему связываться не стоит, иначе со спокойной и довольно размеренной (в его случае) армейской жизнью можно будет распрощаться.

Был последний день дежурства второго дивизиона, зенитно-ракетного комплекса С-200 Томского полка ПВО. Целый месяц Трофимов со старшим лейтенантом Матвеевым несли поочередно боевое дежурство, через сутки сменяя друг друга.

Последний наряд, заступить в который и предстояло Игнату, бывает самым долгим. Смена приходит не в девять утра, как обычно, а дежурство заканчивается на полтора часа позже, после того как пройдёт ритуал передачи дежурства первому дивизиону.

Лейтенант, предвидя длинные сутки, неторопливо спустился в капонир. Старший лейтенант Олег Матвеев, или просто Матвей, стоял в дверях учебной комнаты в фуражке и с портфелем в руках. Было заметно, что он не так давно проснулся, и на его рыжем от многочисленных веснушек лице с рыжими же взлохмаченными усами отпечатались несколько характерных рельефных складок. Не здороваясь, он возмущённо набросился на Трофимова:

– Ну, где тебя носит?! Я уже должен быть в ДОСах!

– Спать что ли хочешь пораньше лечь? – спросил лейтенант.

– Я половину ночи в кабине лобиком фуражку давил, – пожимая протянутую руку, ответил Олег. – Так что спать пока не хочу. Мне надо срочно в город съездить, а автобус уже через час.

– Успеешь!

– Успеет у тебя в штанах, а мне пять километров придётся бежать! – возмутился Матвей.

– Вот и потренируешься, заодно морщины от фуражки на лице разглядятся.

– Попрошу не умничать! Придёт Пингвин – скажи, что с модуляцией что-то не так, пусть посмотрит, – удаляясь, наказал Олег.

Пингвином называли капитана Броницкого – начальника первой кабины радиолокационной станции, который сегодня в качестве стреляющего офицера вместе с Игнатом заступил на дежурство. Прозвали его так солдаты за то, что он ходил, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, при этом слегка сутулясь. Его заместитель старший лейтенант Сергей Коноплянка получил прозвище Наташа за короткие и полные ноги, а также быструю, семенящую походку.

В отличие от Коноплянки, Броницкого солдаты любили. Несмотря на всю его строгость, капитан как мог заботился о своих подчинённых. Он всегда интересовался жизнью солдат, сыты ли они, не обижают ли их старослужащие. Если он на праздник был в наряде, то приносил из дома и угощал солдат дежурной смены пирогами, испечёнными женой. Было известно, что, если исчерпаны другие аргументы, он, не боясь возможного наказания, мог применить свою недюжинную физическую силу к «дедушкам», избивающим его молодых бойцов.

Такое отношение к солдатам встречалось далеко не у всех офицеров. Многие рассматривали солдат как некую вменённую обузу и постоянно норовили озадачить их какой-либо работой. Считалось, что если у солдата появится свободное время, то он непременно потратит его не на самообразование, а на то, чтобы чего-нибудь набедокурить. Это предположение, впрочем, часто оказывалось небезосновательным.

Проблемы солдат мало кого из таких офицеров интересовали. Голоден боец или сыт, болен или здоров – разницы никакой нет.

Солдаты отвечали взаимностью, всячески увиливая от выполнения своих служебных обязанностей. Лозунги «Солдат спит – служба идёт», «День прошёл, но и хрен с ним» были лейтмотивом службы рядового, да и сержантского состава.

У офицеров была совершенно другая философия службы. Молодые лейтенанты приходили в войска с большой верой в своё предназначение, в свой вклад в дело защиты социалистического Отечества, с желанием сделать успешную военную карьеру. У многих отцы и деды были военными, и такая преемственность служила фундаментом обороноспособности страны.

У большинства же двухгодичников, к которым и относился Игнат Александрович Трофимов, резоны были совсем другими, а зачастую их вовсе никаких не было.

Трофимова призвали в армию сразу после окончания института. По разнарядке из пятидесяти восьми выпускников факультетского потока, обучающихся на военной кафедре, в армию должны были пойти четырнадцать. Добровольно написали рапорты одиннадцать сту-

дентов, ещё троих назначили то ли по жребью, то ли каким-либо другим способом – неизвестно.

На момент распределения Игнат в обозримом будущем обзаводиться семьёй не планировал. Перспектива попасть в НИИ и получать там сто пятьдесят рублей в месяц, сидя по восемь часов в день за кульманом, его абсолютно не прельщала. Но чтобы пойти служить – даже думать таких у него до поры до времени не возникало.

Первый раз мысль об этом промелькнула в его голове после одного неожиданного сновидения. «А почему бы тебе не послужить в армии?» – однажды во сне услышал Игнат незнакомый ему голос. Наутро, проснувшись по будильнику, он вспомнил этот несуразный вопрос.

– Приснится же такое, – произнёс вслух Трофимов, лениво вставая с постели.

– Что-то страшное привиделось? – спросила у Игната мама, торопливо собиравшаяся на работу.

– Да нет, я бы не сказал, что страшное. Так, ерунда какая-то.

– Ну, тогда никому не рассказывай, сон и не сбудется.

Трофимов так и сделал и почти тут же забыл об этом случае. Но удивительно – тот же самый сон, с тем же самым голосом и тем же вопросом, через неделю приснился ему снова.

Это событие впервые сподвигло Трофимова серьёзно задуматься о своей жизни после окончания МВТУ имени Н. Э. Баумана. И через нескольких дней раздумий он принял решение, о котором совсем недавно даже не помышлял. К радости руководства военной кафедры, он написал рапорт с просьбой после окончания института зачислить его на два года в состав Вооружённых Сил СССР.

«Можно на халяву страну посмотреть, платить будут приличные деньги, да и интересно узнать и увидеть что-то новое. А по дембелю можно привезти с собой ОЗК и плащ-накидку для поездок на рыбалку и за грибами. Да и в ряды партии в армии можно легко вступить, что инженеру на гражданке теперь сделать практически невозможно», – так рассудил Игнат.

Трофимов не мог даже представить, что этим решением он кардинально изменил свою судьбу. А голос, услышанный им в сновидении, ещё вмешается в его жизнь.

Глава 2. Первое задание

Служить Трофимова направили в Сибирский военный округ, штаб которого располагался в далёком от Москвы Новосибирске. Там же оказался и одноклассник Игната – Андрей Чухлов.

Познания Игната о Сибири ограничивались несколькими фактами: это где-то далеко, там очень холодно – и фразой из фильма «уж лучше вы к нам».

Чухлов, в отличие от Трофимова, никакого рапорта не писал, а попал в число тех трёх «счастливчиков», которых руководство военной кафедры выбрало из оставшихся тридцати четырёх курсантов, не проходивших до поступления в институт срочную военную службу.

Распределение будущих выпускников проходило в конце четвёртого курса. На тот момент Чухлов был ещё холост и только-только начал встречаться со своей будущей женой. Поэтому известие о том, что ему по окончании института придётся идти в армию, воспринял довольно безразлично и никак не пытался повлиять на сложившуюся ситуацию.

– Лучше отслужить сразу после института, чем ждать, что тебя заберут потом – через год или два, когда уже обзаведёшься семьёй и начнёшь двигаться по служебной лестнице, – так он рассуждал в разговоре с родителями.

Но за прошедшие после распределения полтора года многое в жизни Андрея изменилось.

И вот они уже на перроне Ярославского вокзала, где в ожидании посадки стоит поезд Москва – Владивосток. Трофимова провожает компания из десятка друзей и подруг, которые громко смеются, дружескими шутками напутствуя Игната, стоящего возле своего большого кожаного чемодана на четырёх колёсиках.

Андрея же провожала только жена Марина с шестимесячной дочкой на руках. Малышка, увидев весёлую компанию, тоже начала улыбаться и тянуть маму поближе к смешным дядям и тётям. В заплаканных же глазах Марины никакой радости не было, а была безысходная грусть. Стороннему наблюдателю, не знающему причины такого её душевного состояния, могло показаться, что она пришла на вокзал, чтобы последовать примеру Анны Карениной.

Игнат с Андреем были довольно дружны, часто оказывались в одной компании, отмечавшей чей-либо день рождения, Новый год, Татьянин день или другие многочисленные студенческие праздники. Они даже несколько раз бывали в гостях друг у друга. Но несмотря на это, за все двое суток в дороге Андрей почти не вступал с Игнатом в разговор, отказывался есть и выходить прогуляться на коротких остановках скорого поезда. Даже со своей верхней полки он спускался, только чтобы изредка попить чаю или сходить в туалет. Всё время в пути он был занят тем, что, прижавшись подбородком к краю матраса, с грустью смотрел в окно на удаляющиеся его от семьи, сменяющие друг друга ландшафты.

А там почти растаявший снег средней полосы уступил место уральским, едва тронутым первым апрельским теплом, сугробам, которые плавно перешли в бескрайнюю снежную целину морозных сибирских просторов.

Кое-как разговорился он только в Новосибирске, где ребята в окружной гостинице прожили целую неделю, ожидая приказа о назначении в часть.

За это время они вдоволь пошатались по заснеженному городу, съездили в знаменитый на всю страну Академгородок. Оказалось, что в Новосибирске есть даже метро, состоящее, правда, только из четырёх станций. Есть даже свой ГУМ – облицованное чёрным мрамором, недавно построенное пятиэтажное здание. По московским меркам он напоминал обычный районный универмаг, да и товар там продавался соответствующий.

Ребята успели сходить в местный театр музыкальной комедии и два раза в кино. Свободного времени было предостаточно, точнее, все эти дни были свободными.

Знающие люди из числа работников гостиницы, куда их поселили в двухместный номер, сразу предупредили, что раньше чем через неделю они назначений не получат.

Ну, правду сказать, они и сами никуда не торопились, начиная привыкать к сладостному безделью. В головах проносилась мысль: «Вот бы так вся служба прошла!»

Город Трофимову не понравился. Он показался ему каким-то чужим, с несуразно широкими, почти пустынными улицами, вдоль которых стояли редкие приземистые кирпичные дома.

Игната раздражал постоянно дующий холодный ветер, который однажды поднял непонятно откуда взявшуюся пыль, засыпая ею глаза и заставляя противно скрипеть на зубах.

– Последний раз у меня было столько земли во рту, когда я в детском саду упал лицом в песочницу, – жаловался Чухлову Трофимов.

Только по прошествии семи дней новоиспечённые лейтенанты наконец-то получили назначения. Судьба развела их на две тысячи километров друг от друга. Игнату предстояло ехать в Томскую область – его часть располагалась недалеко от областного центра, Андрея же командование отправило служить в часть, находящуюся в семидесяти километрах от города Братска.

– Ну, Андрюха, тебе повезло, будешь рядом с Байкалом, – попытался пошутить Игнат.

Но эта реплика осталась без ответа. Андрей снова погрузился в полную апатию, и Трофимову показалось, что он его даже не услышал.

Для Чухлова стало ударом, что он ещё на две тысячи километров отдаляется от своей семьи. Он был в отчаянии, хотя отлично понимал, что находиться в четырёх или в шести тысячах километров от дома – существенной разницы нет. Но тот факт, что двое самых любимых и близких ему людей оказываются ещё дальше, подействовал на сознание Андрея удручающе.

Его депрессивное настроение даже частично передалось не унывавшему до сих пор Трофимову. В голову полезли предательские сомнения: а как там всё сложится, а вдруг у меня не получится стать настоящим офицером? Как тогда быть? Как пережить эти два длинных года? Игнат стал гнать эти мысли, пытаясь внушить себе, что всё будет хорошо и это время просто станет большим путешествием со всевозможными увлекательными приключениями.

Явиться в часть надо было уже в военной форме, и ребята направились на вещевой склад округа, чтобы получить положенное им обмундирование. Но из довольно обширного списка, указанного в накладной, на складе оказался только полный комплект летней полевой формы, парадная зимняя шапка, парадная шинель, парадный же шарф, португепя и яловые сапоги.

– На первые дни службы в части у вас есть что надеть, а там уже всё, чего не хватает, выдадут, – сказал довольно пожилой, лысоватый старший прапорщик, протягивая заверенные печатью списки полученной на складе военной формы.

Больше двух часов ушло на то, чтобы на погонах закрепить звёздочки и пришить их и петлицы к шинели, а к полевому кителю, кроме них, ещё и белоснежный подворотничок. Благо, что прапорщик со склада дал ничего в этом не смыслящим бывшим студентам нитки и иголки, а также объяснил, как сделать всё правильно, соблюдая все положенные расстояния.

Этим же вечером друзья отправились на железнодорожный вокзал, где взяли по выданым им проездным требованиям билеты на ближайший поезд. Поезд Игната уходил уже на следующее утро, а Андрею пришлось задержаться ещё почти на сутки в связи с отсутствием подходящего состава. Прямые поезда из Новосибирска в Братск не ходили, а на ближайшие транзитные билетов не было.

Утром молодые лейтенанты проснулись ещё до рассвета, быстро оделись и, взяв с собой потяжелевшие от полученной формы чемоданы, вновь устремились на городской вокзал: Игнат – чтобы сесть в поезд и уехать за триста километров в город Томск, а Андрей – с целью проводить товарища, сдать чемодан в камеру хранения, а заодно зайти в почтовое отделение,

находящееся в центральном зале вокзала, и позвонить жене, с которой он разговаривал каждый день по нескольку раз.

Крепко обнявшись с Чухловым и обменявшись обещаниями писать друг другу письма, Игнат сел в вагон, и через минуту поезд медленно, словно нехотя, стал отходить от перрона.

Первым самостоятельным заданием Трофимова стало отвезти коменданту гарнизона рапорт командира части, в котором тот просил принять нерадивого солдата на гарнизонную гауптвахту. Своей «губы» в полку не было, а провинившихся солдат хватало.

Наказаний в виде нарядов вне очереди офицеры части применять не могли по той простой причине, что личного состава в дивизионах не хватало, поэтому солдаты и сержанты и так ходили в наряды через день: то на боевое дежурство, то в караул или дневальными, то по хозяйственной части или в столовую. Плюс к этому, поскольку в войсках ПВО не существует строительных батальонов, все работы, связанные с ремонтом, строительством, всевозможным благоустройством территории части, ложились на плечи всё тех же солдат.

С утра, узнав в канцелярии адрес комендатуры и расспросив дежурного по полку о том, как туда доехать, лейтенант, как был в полевой форме, отправился в город.

К этому моменту он прослужил в части уже почти полтора месяца, но повседневную форму ему до сих пор не выдали. Если верить начальнику вещевого склада – старшему прапорщику Зацепину, формы нужного размера и роста на складе нет, но на следующей неделе, согласно его заявке на окружной склад, её должны привезти. А вот парадной формы одежды и повседневной шинели не будет точно, их надо заказывать в городском ателье при военторге, обшивающем все воинские части, находящиеся в округе.

– Странно. У меня средний рост, обычное телосложение, самый распространённый размер ноги, единственное – головной убор должен быть чуть больше, чем у многих других, – недоумевал Трофимов.

– Поэтому и нет на складе, что у тебя такие распространённые параметры. Самые ходовые размеры быстрее всего расходятся, – невозмутимо ответил старший прапорщик.

Комендатура гарнизона располагалась в историческом центре Томска, куда можно было доехать от автовокзала на трамвае. Его маршрут пролегал через улочки старого города с ухоженными деревянными домами, украшенными резными разноцветными наличниками и замысловатыми, сложной формы карнизами, которые, подобно накинутой кружевной шали, опоясывали верхний периметр зданий.

Комендатура занимала двухэтажный особняк, принадлежавший до революции купцу первой гильдии Смирнову, сколотившему состояние на торговле золотыми и серебряными изделиями, изготовленными из намытого старателями на местных приисках драгоценного металла.

Пройдя по плохо освещённому просторному холлу с остатками когда-то позолоченной лепнины, Трофимов упёрся в широкую двухстворчатую дверь, с левой стороны от которой висела табличка «Канцелярия». Открыв дверь за массивную ручку с бронзовым набалдашником, лейтенант вошёл в просторный зал, через окно залитый ярким майским солнцем. У стены за письменным столом сидела женщина лет сорока, одетая в строгое тёмно-коричневое платье, и что-то интенсивно печатала на электрической пишущей машинке «Ortina».

Трофимов поздоровался и спросил, указывая на дверь с надписью «Военный комендант гарнизона полковник Багиров В. Д.», у себя ли товарищ полковник. Увидев утвердительный кивок головой, Трофимов, сделав три шага, постучал и, не дождавшись ответа, под изумлённый взгляд секретаря распахнул дверь и шагнул внутрь.

За широким дубовым столом возле окна, почти полностью занавешенным от солнца тяжёлой портьерой, лейтенант увидел сидящего грузного человека лет пятидесяти в форме полковника, который мирно беседовал с расположившимся напротив него майором, положившим ногу на ногу и расслабленно облокотившимся на спинку стула. На столе перед полковником и майором стояли наполовину выпитые фарфоровые чашки с чаем и тарелочка с овсяным печеньем, с краю приютилась фуражка майора.

Трофимов всегда считал, что он воспитан достаточно неплохо, хотя происхождения был простого. Его отец работал инженером на военном заводе, а матушка заведовала экспедицией в крупном издательстве.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался лейтенант с присутствующими.

Не ответив на приветствие, полковник медленно, опираясь руками на подлокотники, поднялся из массивного кожаного кресла. По мере вставания его лицо и шея приобретали розовый оттенок.

– Товарищ лейтенант, выйдите и зайдите как положено! – громким, свинцовым голосом, выделяя интонацией каждое слово, отчеканил полковник.

Трофимов никак не ожидал подобного приёма. Он инстинктивно, будто обжегшись, выскочил за порог, закрыл за собой дверь и в растерянности замер, упершись взглядом в табличку у двери, указывающую на должность, звание и фамилию хозяина кабинета.

«Что-то я не так сделал, – пронеслось в голове Игната. – Может, надо было поклониться или снять фуражку?.. Нет. Кланяться, наверное, не надо, а вот фуражку, пожалуй, попробую снять».

Лейтенант снова постучал, но чуть громче, чем в первый раз, аккуратно открыл дверь и, держа в руке головной убор, повторно вошёл в кабинет.

– Можно войти? – негромко, как бы в себя, промямлил оробевший молодой офицер, переминаясь, якобы вытирая подошвы сапог о несуществующий коврик.

Покрасневшее до этого лицо полковника стало покрываться пунцовыми пятнами, глаза налились кровью. Несмотря на тучность, он буквально выпрыгнул из кресла.

– Вы что, с ума сошли, товарищ лейтенант?! – прокричал полковник в ярости ничего не понимающему Трофимову.

Голос коменданта звучал как храп разъярённого быка, вот-вот готового напасть. Даже сидящий рядом майор опустил голову и сочувственно покосился на лейтенанта, как бы говоря: «Ну что же ты так? Теперь держись, не завидую я тебе».

– Какое училище заканчивал, лейтенант?! – продолжал между тем кричать полковник. – Кто начальник курса?!

От такого поворота событий Трофимов настолько ступешался, что не сразу сообразил, что надо отвечать на вопрос старшего по званию.

– Бауманское, товарищ полковник, – собрав волю в кулак, через несколько секунд громко ответил лейтенант.

– Ба-у-ман-ско-е? – растягивая слово по слогам, спросил сам у себя полковник. В его бегающих глазах читалось, что он никак не может понять смысл сказанного ему слова. Но спустя продолжительную паузу у него в голове наконец сложились ответы на все его вопросы к нерадивому лейтенанту. Кровь отхлынула от его лица.

– Так ты двухгодичник! – радостно, нараспев воскликнул заулыбавшийся комендант и с видимым облегчением опустил в кресло.

Ему сразу стало спокойно за Советскую армию. Ведь не могло же такого быть, чтобы за пять лет обучения в военном училище курсант не овладел строевым шагом и не знал, как по уставу обратиться к старшему по званию. Лейтенантов, не освоивших за время обучения военную технику, он встречал немало, но не хватало ещё, чтобы хромала строевая подготовка или знание Устава воинской службы, этого полковник уже не смог бы простить.

– Проходи, проходи, лейтенант, не стесняйся, присаживайся, – указывая рукой на свободный стул, стоящий рядом с майором, предложил комендант. – Рассказывай, как служба, давно ли в армии, не обижают ли кто?

– Да нет, товарищ полковник, никто не обижают, да и служу я всего чуть больше месяца, – начиная успокаиваться, ответил Трофимов.

– Как тебя зовут, сынок? – отеческим, совершенно искренним голосом спросил Багиров.

– Игнатом, товарищ полковник.

– Какое красивое у тебя имя. Ну, рассказывай, Игнат, что тебя привело в этот кабинет.

– Я из Болотовской части, товарищ полковник. Майор Васильев прислал меня договориться по поводу гауптвахты для нашего солдата, – бесхитростно доложил Трофимов. – Он уже всех офицеров замучил, совершенно неуправляемый – не подчиняется, дерзит командирам, молодых солдат бьёт, – продолжал Трофимов.

– Ну, это ты пришёл не совсем по адресу. Этим занимаюсь не я, а капитан Орлевич.

– Андрей, – обратился он к майору, – возьми у Игната рапорт, отдай Орлевичу и проследи, чтобы завтра же этот нерадивый боец отдыхал у него на нарах по полной программе – десять суток.

– Товарищ полковник, – осмелев, вклинился в разговор Трофимов, – майор Васильев просил посадить его только на трое суток, а вы говорите – на десять.

– Ну, значит, семь он получит лично от меня, – улыбаясь, ответил полковник. – Поверь, так будет лучше, и тебе не придётся в ближайшей перспективе опять сюда приезжать с тем же вопросом. Ну всё, Игнат, не волнуйся. Передай майору Васильеву, чтобы завтра же привозил этого наглеца к нам, и скоро он получит в своё распоряжение отличного, я бы даже сказал образцового, солдата, – завершил разговор Багиров.

Выйдя из кабинета, Трофимов, ещё оглушённый неожиданными переживаниями, направился по холлу к выходу из здания. Почти у самых дверей его догнал майор, которого полковник назвал Андреем.

– Ну что, лейтенант, перетрухнул? Запомни на будущее: даже если рапорт написан на имя коменданта гарнизона, то для того, чтобы посадить солдата на гауптвахту, к нему идти совершенно не обязательно. А надо обратиться в управление, к начальнику гауптвахты капитану Орлевичу или ко мне, майору Ратушному. И ещё, опять же на будущее, знай и передай своему майору Васильеву, что гауптвахта у нас на весь гарнизон одна, свободных мест на ней никогда не бывает, и пять дней чьей-либо отсидки стоят три литра спирта за каждого нашкодившего военнотружущего. Хотя твой командир об этом наверняка знает. Понял, лейтенант?

– Понял.

– Ну раз уж ты так понравился полковнику, то, в виде исключения, расквартируем твоего бойца бесплатно. Так что завтра привозите. – И майор быстрым шагом пошёл по широкой аллее из только-только распускающихся столетних лип.

Но даже эти нравоучения не испортили лейтенанту хорошего настроения. Во-первых, он с успехом выполнил задание командира. Во-вторых, познакомился с комендантом гарнизона, который оказался хорошим и справедливым человеком. А в-третьих, у него есть почти три часа до отправления автобуса, и можно погулять по совершенно незнакомому городу, в котором, как он заметил из окна трамвая, много красивых девушек. Да и погода прекрасная – вторая декада мая, когда ненавязчивое солнце уже достаточно согрело землю, но на её тепло ещё не успела выползти многочисленная жужжащая, кровососущая мошкара.

Вернувшись к вечеру в ДОСы, лейтенант случайно встретил около подъезда командира своего дивизиона майора Васильева, возвращающегося домой со службы. Игнат решил, не дожидаясь завтрашнего дня, доложить об успешном выполнении задания, опустив при этом подробности знакомства с комендантом, но спросив о трёхлитровой банке спирта, про которую ему рассказал Ратушный.

Майор внимательно выслушал отчёт об удачной поездке Трофимова и с ехидным лицом ответил:

– Молодец, лейтенант! Поздравляю с успешным выполнением важного поручения. Про спирт буду иметь в виду, в следующий раз что-нибудь придумаем.

Васильев, конечно, знал про негласные расценки на гарнизонной гауптвахте, но спирта было очень жалко, да его и не было. Весь полученный месячный запас ушёл на празднование рождения его второго сына, да ещё же майор остался должен два литра подполковнику Ярославцеву – командиру технического дивизиона, который по причине сварливости своей жены употреблял спиртные напитки исключительно по праздникам и в очень ограниченном количестве.

Всего в месяц на дивизион выдавалось пять литров технического спирта крепостью восемьдесят градусов, который необходимо было использовать при регламентных работах на технике – для протирки всевозможной электронной начинки аппаратуры. Спирт хранился на особо охраняемом складе в синих двухсотлитровых железных бочках. По утверждённым правилам, его могли получать только лично командиры дивизионов. Спирт наливался в алюминевую канистру и в целях сохранности относился домой.

По пол-литра иногда выдавалось на стартовую и радиолокационную батареи, где он и хранился в сейфе в ожидании экстренной необходимости. Хотя необходимость эта возникала только раз в полгода при проведении расширенных регламентных работ, когда вынимался и чистился каждый из многочисленных блоков. Вот тогда скрепя сердце некоторое количество спирта и приходилось расходовать по прямому назначению.

По литру отдавалось командирам двух батарей. Оставшиеся два или три литра использовались командирами дивизионов как в личных целях, так и для решения постоянно возникающих хозяйственно-административных вопросов. Посадка солдат на гауптвахту в перечень этих дел не входила.

Посылая лейтенанта в город, майор справедливо предположил, что новичкам везёт не только в карточных играх.

Вообще-то гауптвахта была и в соседнем авиационном полку, дислоцированном на территории закрытой части города, где базировался обособленный дивизион части, в которой служил Игнат. Аппаратура, следящая за воздушным пространством, использовалась как одним, так и другим полком. На этой технике одновременно служили офицеры и солдаты обеих воинских частей.

Но напугать ею солдат было невозможно. Они расценивали посадку туда как некое поощрение.

Обычно утром, после завтрака, солдат из казармы этой гауптвахты, мало чем отличающейся от обычной армейской казармы, забирала машина и везла на работы в один из подшефных городских продовольственных магазинов.

Солдаты совместно с местными работягами разгружали две или три приехавшие машины, после чего, как правило, работы больше не было, и солдаты могли, вкусно пообедав вместе с сотрудниками магазина, отдохнуть до вечера, пока за ними не приедет караул.

В эти несколько часов можно было в дальнем углу склада завалиться спать или приударить за молодыми дородными продавщицами в соблазнительных, всегда слегка распахнутых белых халатиках. Благо, особо и не надо было стараться – девушки сами охотно шли на контакт. «Плохие мальчишки», да ещё и в военной форме, во все времена у женского пола в фаворе.

Перед обедом грузчики угощали арестантов самогонкой, крепённым вином или водкой. Подобный запас всегда находился у них где-нибудь в потайном месте. Бесплатная закуска, с разрешения или без оно, бралась тут же в магазине.

Так что через три-четыре дня гауптвахты объевшийся, отоспавшийся, а частенько ещё и сексуально удовлетворённый где-нибудь в подсобке солдат с неохотой возвращался в часть.

Там он упоительно рассказывал сослуживцам о своём времяпрепровождении в заключении, о сортах колбасы и сыра, которые он ел на обед, и о том, какого размера были груди у приглянувшейся ему продавщицы.

Солдаты слушали, открыв рот, и каждый мечтал хоть на день попасть на его место.

– Представляете – грудь маленькая, а в рот не влазит, – как-то, уже позже, случайно услышал Трофимов отрывок повествования недавно освобождённого бойца, который в красках описывал свои похождения на полковой гауптвахте восторженным сослуживцам.

На гарнизонной же гауптвахте нравы были совсем другие. Там солдаты сидели в маленьких, почти неотопливаемых даже зимой отсеках, больше похожих на тюремные камеры. За подъёмом в шесть утра следовал восьмикилометровый кросс. Почти сразу после завтрака проводилась двухчасовая строевая подготовка, где злые сержанты спуску никому не давали, а если арестанты пытались в их понимании филонить, не поднимая ногу на нужную высоту, то сразу получали увесистый удар в грудь, в живот или по почкам.

После более чем скромного обеда начиналась работа по благоустройству и уборке территории гауптвахты. Вне зависимости от того, кто ты – «черпак», «старик» или «дембель», можно было попасть на уборку зубной щёткой отхожих мест или на подметание малярной кистью плаца.

Местные сержанты при этом сидели на соседней лавке и, покуривая, с улыбкой наблюдали, как полтора десятка солдат, на коленях, с усердием машут по асфальту малярным инструментом, держа во второй руке совковую лопату. Периодически по команде сержантов подметальщики подбегали к ним по очереди, показывая, сколько мусора и грязи успели собрать в лопату. Задача считалась выполненной, когда арестант предъявлял полный шанцевый инструмент.

После короткого отдыха возобновлялась строевая подготовка, и шеренги штрафников, чеканя шаг, проходили по сияющему чистотой плацу с весёлой походной песней. Ужин для арестантов предусмотрен не был. А для того, чтобы лучше спалось, перед сном полагался ещё один небольшой пятикилометровый вечерний кросс.

Если арестант выражал хоть малейшее недовольство, его строго наказывали. Например, могли жестко скрутить и макнуть головой в выгребную яму туалета. Или посадить в карцер, залив крошечный по площади пол водой с обильно разведённой в ней хлоркой.

После таких дисциплинарных процедур приехавший обратно в часть солдат что-либо рассказывать сослуживцам никакого желания не испытывал. Пару месяцев боец был как шёлковый, и офицеры не могли нарадоваться на его старательность и исполнительность.

Офицеры части, естественно, знали о нравах гарнизонной гауптвахты. И определяли туда солдат только в исключительных случаях, когда другого выхода не видели. Жалели не столько спирта, сколько провинившихся.

Первые полтора месяца службы Трофимова прошли относительно беззаботно. В это время Игнат в наряды ещё не ходил. Обычно этот срок даётся всем молодым офицерам, не только двухгодичникам, для адаптации к новому месту и знакомства с техникой. Так что в восемнадцать тридцать Игнат садился вместе с другими закончившими ежедневную службу офицерами в «Коломбину» и ехал домой в ДОСы, расположенные на окраине небольшого посёлка, в шести километрах от КПП воинской части. ДОСы представляли собой два трёх-подъездных кирпичных пятиэтажных дома с маленькими балконами, обшитыми декоративными панелями ядовито-синего цвета. Три двухкомнатные и одна однокомнатная квартиры были отданы для расселения холостых офицеров. В одной из таких двухкомнатных квартир на первом этаже молодого лейтенанта и поселили.

Его соседом по комнате был также двухгодичник лейтенант Андрей Бушуев из его же второго дивизиона, но со стартовой батареи. Как отслуживший уже год, он счёл своим долгом опекать новичка в непривычной тому обстановке.

В соседней комнате жили два молодых кадровых офицера – старшие лейтенанты Валера Шалевич и Лёнька Погодин, повышенные в звании совсем недавно в связи с тем, что оба уже прослужили в части положенные в данном случае два года.

Внешне старшие лейтенанты являли полную противоположность друг другу: Шалевич был довольно высоким, плотным и черноволосым, Погодин же – худым, светлым, ростом чуть ниже среднего.

В обстановке квартиры не было ничего лишнего. Ни хрустальных люстр, ни дорогих сервизов, ни ковров, ни других предметов, в гражданской жизни олицетворяющих комфорт и достаток в доме.

Четыре панцирные кровати, стоящие вдоль окрашенных в лимонный цвет стен, большой встроенный шкаф, маленький шифоньер, пара тумбочек, четыре стула и чёрно-белый телевизор «Темп» – вот и вся нехитрая мебелировка. Всё говорило о том, что жильё это временное и как-либо обустраиваться нынешние обитатели этих хором не собираются.

Из роскоши наличествовал только дефицитный катушечный магнитофон «Юпитер» с двумя громадными колонками S-90, одна из которых стояла на шифоньере, а вторая, за неимением другого подходящего места, прямо на полу, что позволяло её иногда использовать как табуретку. Такое её применение не по назначению очень не нравилось Шалевичу, утверждавшему, что этим можно испортить частоты, выдаваемые динамиками, или поцарапать полировку.

У Игната и Бушуева в комнате был ещё и портативный кассетный магнитофон «Электроника», который Трофимов купил на первую же свою зарплату. С собой он привёз новейшие записи блатных исполнителей, которые до Сибири могли дойти не раньше чем через год, и жители ДОСов теперь могли частенько слушать полузапрещённую в стране музыку.

Маленькая кухня также не отличалась богатством обстановки: газовая плита, стол, полка с посудой, крошечный навесной холодильник «Морозко», три табуретки и узкая колонка с четырьмя полками.

Квартиры семейных офицеров были обставлены, конечно, богаче, но никаких особых изысков и шикарных ремонтов тоже не имели.

Все отлично понимали, что для большинства эта жилплощадь временная, и через четыре или максимум пять лет они будут переведены в другую часть, возможно, за тысячи километров отсюда.

Перевод почти всегда был желанным и ожидаемым, ведь он означал повышение в должности, а затем и в звании, со всеми вытекающими из этого приятными последствиями в виде увеличения жалованья и повышения статуса и значимости офицера, а соответственно и его жены.

Лишь считанное число военнослужащих надолго задерживались на одном месте. Это были в основном люди, разочаровавшиеся в военной карьере и мечтавшие только о том, как бы дослужить до сорока лет и уйти на пенсию капитаном на тридцать процентов от оклада. Такие офицеры не желали и не стремились ни к какому продвижению по службе и уже рисовали в своём воображении, чем будут заниматься и где жить после увольнения.

Глава 3. Неприятный сюрприз

Трофимов пришёл в часть в апреле и отслужил уже почти два месяца, но его соседи по квартире до сих пор в разговорах частенько вспоминали, как они весело провели праздник Восьмое марта.

Выбравшись втроём накануне праздничного дня, совпавшего с воскресеньем, в город развезься, поесть в кафе пельменей и сходить в кино, ребята познакомились в холле кинотеатра с тремя студентками местного политехнического института, которые без продолжительных уговоров охотно согласились поехать к офицерам домой отметить вместе наступающий праздник.

Захватив по дороге в коммерческом магазине варёную колбасу, копчёную ставриду и три банки майонеза и прикупив в кулинарии «Ленинградский» торт, компания, громко смеясь над шутками парней, отправилась на автовокзал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.